

ДИСКУРС

БЕСЕДЫ С ФИЛОСОФАМИ

«Наш сегодняшний контекст — глобализация мира»

Беседа с А.С. Колесниковым

Анатолий Сергеевич Колесников — профессор кафедры истории философии Санкт-Петербургского государственного университета. Беседа состоялась 25 мая 2009 г. на философском факультете СПбГУ.

Дорогой Анатолий Сергеевич, тема нашей беседы не совсем обычна. В прошлый раз мы с Вами говорили о новых тенденциях в западной философии и о философской компаративистике. Сегодня же нам хотелось бы побеседовать о другой грани Ваших исследований недавних лет — о философской компаративистике применительно к образованию. Итак, прежде всего, что собой представляет эта область? Как она возможна?

Она не только возможна, но и необходима. Первые монографические работы по этой проблематике у нас появились в середине 60-х гг. Однако занимается ею небольшой круг учёных — в Академии педагогического образования, в Новосибирске.

...Где выходит журнал «Философия образования».

Да, это именно они. Проходил ряд конференций — во Владимире и в других городах.

Можно ли разделить педагогику и образование? Существует лишь один журнал «Comparative pedagogic», а остальные сосредоточены на образовании — «Comparative Education», «Education» и т.п. Таких журналов огромное количество. Сегодня практически во всех развитых странах есть общества компаративной педагогики. Это уже стало нормой. Первыми провозвестниками сравнительного подхода в образовании были путешественники и неогоцианты. Они видели: здесь всё не так, как у нас. И всё положительное привозили к себе домой. Потом начались специальные исследования: люди ехали и смотрели, «как там у них». Наши соотечественники брали пример в основном с Англии и Франции. Необходимо знать, какие методы применяются в образовании других стран, какие проблемы при этом возникают. Педагогические приёмы везде разные.

Как-то раз читал я статью американского преподавателя, которому в Австралии предложили группу китайских студентов. Сначала он ничего не мог уразуметь, но по-

том сказал: «Я понял, с ними надо было действовать, как с детьми». Обыкновенные методики американского университета в данном случае не работают. Во-первых, существует языковой барьер, во-вторых, приходится сталкиваться с совсем иной культурой. Точно так же некоторые американские приёмы совершенно не могут прижиться на нашей почве. Особая роль в компаративной педагогике и компаративной философии образования принадлежит диалогу культур. Диалог культур имеет многовековой опыт в России и может многому научить. Однако, стоит заметить, что в образовании, как и в направлении эволюции межкультурных связей, диалог предстает как активизация взаимодействия, расширение и углубление взаимовосприятия.

Почему сегодня необходима компаративная философия образования? Здесь работает связка «философия — педагогика». Прежде всего, нужно выяснить, какая методика работает в педагогике, то есть, существует ли связь педагогики с философией. Представьте себе педагогику без связи с философией, что получится?

Думаю, то, что есть у нас сегодня.

Да, у нас учат методике очень просто: надо открыть такую-то книжечку на такой-то странице, и там всё будет сказано. Но, если не сформирована культура, гуманитарное мировоззрение, человек ничего не поймёт. Конечно, в городских условиях все уже более или менее нивелированы, и, тем не менее, все группы людей существуют по отдельности. И для того, чтобы работать с ними, обучать их, компаративная философия образования совершенно необходима. Если вы уходите от мировоззренческих оснований, вы превращаетесь в чистого методолога. А для высшего и профессионального образования этого совершенно недостаточно.

Другая крайность заключается в том, что всю методологию науки без изменений переписывают для педагогики. К сожалению, это у нас происходит нередко. Но это, по меньшей мере, смешно. Нужно быть и философом (или, по крайней мере, исследователем философии), и педагогом в равной степени. Примером может послужить Джон Дьюи, который был и философом, и педагогом. Или Бертран Рассел.

Или наш Лосев...

Именно. Если же взять немцев, то такое сочетание встречается у каждого второго. Есть целые философские школы, занимавшиеся проблемами педагогики. Мы же сегодня оказались в очень тяжёлой ситуации. Меняется философия, меняется контекст общества...

А педагогика остаётся прежней...

А педагогика остаётся прежней. Говорят о педагогической инноватике, а что такое инноватика? Это методология инновационных исследований в педагогике! Подумать страшно!

Обычно под этим подразумевается использование компьютера вместо цветных карандашей.

Вот-вот! Педагогику мы оставим прежней, но введём компьютерное тестирование.

К тому же, мы вечно запаздываем. Литература, посвящённая этой проблеме, выходит очень редко и отражает вчерашний день.

Наш сегодняшний контекст — это глобализация мира, независимо от того, хотим мы это признавать или нет. Происходит глобализация международного обмена образовательными услугами. И это не только наша проблема. Над этим работает и Организация Африканского Единства, аналогичная арабская организация, индийская и т.п. Больше всех об этом сейчас пишут китайцы, потому что китайские студенты учатся повсюду и пытаются усвоить всё, что можно. Эта проблема волнует и те страны, в образовательной системе которых учатся эти студенты. Это нормальная ситуация.

А что у нас? Это никого не заботит, потому что у нас по сравнению с другими странами почти нет иностранных студентов. Мы потеряли рынки сбыта образовательных услуг, мы поставляем лишь «готовый материал». Китайское законодательство требует возместить стоимость обучения китайского специалиста, уехавшего работать в другую страну. Мы же теряем на том до 7 млрд. долларов в год. Мы даём людям образование, а после этого они уезжают.

Но вернёмся к нашей теме. Компаративная философия образования и компаративная педагогика во многом сходятся. Многочисленные журналы. Назову только англоязычные — Philosophy East & West, Comparative Education, Comparative Education Review, International Journal of Educational Development, Cultural Studies, Critical Methodologies, Studies in Philosophy and Education, Discourse: Studies in Cultural Politics of Education, Journal of Research in International Education, Journal of Philosophy of Education, Educational Philosophy and Theory, School Leadership & Management, South African Journal for Higher Education, Multicultural Teaching, Journal of Black Studies, Educational Theory, Race Ethnicity and Education, Journal of Equity and Excellence in Education, Teaching and Change, Journal of American Indian Education и т.д. Эти журналы занимаются анализом того, как происходит образовательный процесс в Индонезии, в Индии, в Англии, в Америке... Но самая мощная традиция сложилась в Латинской Америке, по всем понятным причинам. За Латинской Америкой следует Китай, который очень быстро движется вперёд, и Индия. В Европе таких исследований гораздо меньше. Но проблемы есть и здесь. Европа рассчитывает благодаря Болонскому процессу стать единым образовательным пространством. Но идёт этот процесс со скрипом. Дело в том, что не все в равной степени владеют языком другой страны. Английский или немецкий так и не стали универсальными языками образования. Английский сделался языком делового общения, но студенты и преподаватели зачастую не готовы перевести на английский образовательный процесс. Ведь и учебные пособия в таком случае должны быть написаны на английском, и вся окружающая культурная среда должна быть англоязычной. В общем, это возможно, только если переехать в Англию.

В Вроцлаве я спрашивал дорогу по-английски, потом по-немецки, и ничего не мог добиться. А по-польски ни я, ни моя спутница не говорили. Наконец я с отчаяния обратился к проходившей мимо девушке по-испански. Она очень обрадовалась: «Слава богу, хоть кто-то говорит по-испански! У нас тут никто не понимает этого языка».

Знакомая ситуация. Мы не знаем языка своих братьев-славян. Мой сербский друг прислал статью, а я не смог её перевести. Пришлось его супруге писать по-французски. По-французски мы читаем, а славянских языков не знаем.

Да, к сожалению.

Так вот, необходим сравнительный анализ образовательных традиций. В этой области есть очень интересные исследования. В каждой стране они принимают особый характер.

Кроме того, необходима какая-то унификация. Необходимо уйти от личностных отношений типа: «Девочка хорошая, поставлю 5, мальчик плохой, поставлю 2». Но девочка останется дома, а мальчик станет профессором. Ведь у живых и непослушных детей как раз и есть мысль. Конечно, переход к системе ЕГЭ — дело непростое. Это ведь не только наша забота. Вся Европа об этом говорит. В Англии ломают голову над тем, как соотнести дипломы частных школ. В Америке большой проблемой является различие в программах обучения разных университетов. Но там хотя бы есть единая шкала оценки. Набрал 97 баллов — можешь идти в Кембридж без конкурса; набрал 60 баллов — сможешь получить профессионально-техническое образование.

Об этом хорошо написал Умберто Эко в своей книжке «Полный назад!». Он говорит, что это своего рода дискриминация: из народной школы невозможно поступить в университет, для этого нужно заканчивать частную или католическую школу.

Об этом я и говорю. Не случайно во Франции и в Италии происходят студенческие волнения. Происходит глобальный перелом. Постмодерн прошёл, но покажите мне постмодерного преподавателя!

Структура-то осталась прежней!

Старая педагогика была педагогикой авторитарной: «Я сказал, а ты должен повторить!». Но это Средневековье. Потом на смену ей пришла педагогика развивающая: «Я тебе бросил мысль, а ты подумай!». Это 60–90-е годы XX века. Но современная педагогика — это педагогика поддерживающая. Суть её в том, чтобы поддержать таланты ученика. И здесь открывается простор для работы философии. Если человек не владеет мировоззренческим основанием процесса, он немного сможет сказать. Когда ребёнку говорят, что мир из чего-то там состоит, ему это непонятно. Ему ещё не нужны абстракции.

Общество изменилось, культура глобализировалась, все технотронные механизмы уже другие, а педагогика старая. Нужно искать новую.

А как Вы впервые столкнулись с Другим в системе образования, попав в иную среду?

Подготовка к лекции, читаемой студентам из другой культурной среды, — очень тяжёлое дело даже для преподавателя, хорошо знающего иностранный язык. Первое, с чем сталкиваешься, — это то, что любое имя, которое ты произносишь, должно быть произнесено или написано на языке, на котором читается лекция. Поэтому приходится готовить целый глоссарий. Мне пришлось читать курс по немецкой классической философии и современной западной философии на Кубе. Готовясь к лекциям в Гаванском университете, приходилось штудировать, например, переводную с итальянского на испанский литературу. В Америке другая проблема: литературы навалом, и, чтобы не захлебнуться в её изобилии, приходится работать с «ридингами». Вы должны дать человеку чёткую картинку. У нас раньше были хрестоматии, сейчас мы к этому возвращаемся, но система в целом не выверена. При подготовке лекции в американском университете человек работает с целым пакетом документов: план-проспект лекции, в кото-

ром намечаются проблемы и варианты их решения; во-вторых, подготавливается и публикуется текст лекции, который здесь же продаётся, так что преподаватель имеет возможность заработать деньги. Если вы приехали читать лекцию в другой город, на неё заранее записываются. Таким образом, весь материал, с которым вы пришли на лекцию, слушателям уже знаком, и вы должны не повторять его, а раскрыть его суть.

Мне кажется, это предполагает какой-то завышенный стандарт для студента.

Дело не в этом. В Америке не бывает таких общемировоззренческих лекций, как у нас, там они точечные. Если человек шёл слушать Деррида или Поля де Манна, он как правило уже хорошо знаком с идеями этого философа.

У нас же дело поставлено так, что я прочитал Деррида и должен вкратце изложить его идеи студентам, чтобы им самим не пришлось ходить в библиотеку.

Именно так. А в Америке наоборот: вы должны поставить проблемные вопросы и выявить то, чего они не видят сами. Ведь многие люди просто не замечают, что у Деррида интересная онтология и гносеология, что это замечательный историк философии, методолог, филолог и т.д. Поэтому, когда мы читаем западные учебники, нам порой непонятно, что это за странная калька. Но вроде бы и не калька, а что-то другое... Автор такого учебника как раз и говорит о том, что он нашёл в изучаемом предмете. Мы же мечемся по кругу: прочитал — рассказал — спросил. Но это система Средневековья, только в те времена лекции не только записывали, но и защищали как диссертации, а потом по этим лекциям сами учили. Но кто при этом защищал диссертации? Научный руководитель, а не соискатель. Так было вплоть до Канта, которому пришлось самому защищать свою диссертацию.

Итак, перед нами встаёт вопрос: как нам быть? Оставаться в прежнем состоянии нельзя.

Но ведь педагоги не уступают свои места.

Да, но куда двигаться, и как? Вот у нас на факультете много компьютеров, а что мы с ними делаем? Печатаем тексты, и всё. Можно было бы делать презентации, но ведь презентацию-то надо готовить! Это большой труд. А без него невозможно преподавать ни музеологию, ни культурологию, ни историю культуры Востока. Представьте себе, что вы читаете лекцию по современной зарубежной философии: что вы покажете? Портрет? Обложку книжки?

Схему антиномий.

Но для этого не нужен компьютер, для этого хватает доски.

А как же картинки, которые развлекают скучающую аудиторию.

Но ведь картинка отвлекает. А главное — от чего отвлекает?

От усвоения того, что я рассказываю.

Вот-вот. А стоит ли всё это усваивать? Наша задача в другом — указать путь. Мы должны дать библиографию. Но студент всего не читает, значит — нужно указать отдельные главы или параграфы. Если этим не ограничиться, студент вообще ничего не читает. А главное — нужно обращаться к проблемам, вместо того, чтобы переска-

зывать, что там сказал Деррида в «Позициях». Философия образования призывает: займитесь Другим!

Каждая культура имеет свой визуальный ряд. Представьте себе, что перед вами сидят представители разных культур. Поймут ли они вас, если вы будете обращаться к ним единообразным способом? Кто-то поймёт, а кто-то и нет. Вам же нужно, чтобы вас поняли все. Сейчас в Америке, да и не только там, ссылаются на финнов, англичане ссылаются на индийцев, и т.п. У американцев есть интересная программа «Школа XXI столетия», которая требует от преподавателя коммуникабельности, культурности, способности быстро осваивать новые технологии, самостоятельно находить материал. Но главным оказывается заказ на специалиста. Классические школы конструктивистского типа заикнулись на том, что надо научить тому-то и тому-то. Когда вы пишете рабочую программу по какой-то специальности, вы прежде всего обозначаете, чему вы должны научить. Но главное не в том, чему научить, а в том, о чём студент будет иметь представление после вашего курса. Философии научить нельзя, можно только подтолкнуть к ней.

Вот тут-то и возникает вопрос: где же такого студента взять?

Внешне студенты ничем не отличаются друг от друга. Но на самом деле все они разные. Нужна поддерживающая педагогика. Прежде всего я обеспечиваю аспирантов и докторантов всем, чем только могу. Людей, которые сами ищут информацию, очень мало.

Так, может быть, нужно идти не к массовому образованию, а к элитарному?

В чём самая главная заслуга постмодерной педагогики? Обучение на протяжении всей жизни. Элитарное образование для высоколобых может существовать только в отдельных учебных заведениях. Любопытный пример: Санкт-Петербургский и Московский университеты не входят в число ведущих университетов мира, потому что у их преподавателей мало публикаций в иностранной прессе. Действительно, мало. Но наша проблема в том, что для нас английский язык — иностранный, а для всего англоязычного мира — родной. Нашему преподавателю для публикации в иностранных журналах надо хорошо знать язык научной статьи.

А найти англоязычного редактора, который будет возиться с чьими-то текстами, тоже трудно: там таких единицы.

Обучение на протяжении всей жизни — это нормальное состояние, к которому очень долго шла западная педагогика. Самое сложное — это обучение взрослых людей: переобучение, переквалификация. И самый трудный момент здесь — столкновение различных культур. В одну и ту же школу приходят латиноамериканцы, индийцы, русские и т.п. Американские педагоги составляют отдельные рейтинги обучаемости людей разной этнической принадлежности и на этом основании проводят интереснейшие исследования, которые затем публикуются. Иначе сдвинуться с места невозможно.

Но здесь возникает некая вилка: что предпочесть? С одной стороны, перед нами перспектива мультикультурализма, требующая уважать все культуры и не пытаться причесать их под одну гребёнку; с другой — идеал всеобщего равенства в образовании. Как быть?

На одной недавней международной конференции я делал пленарный доклад на тему «Космополитизм и толерантность» и говорил как раз об этом. Уже есть много космополитов — людей, не имеющих родины. Это музыканты, учёные, артисты, туристы...

В общем, богема.

Да не всё это богема, это очень разные люди. Это те, кому везде хорошо, а значит — всё для них родина. Разговоры о космополитизме начались ещё в IV в. до н.э. Космополитизм — это идеал, это то, что ожидает нас в будущем. Мультикультурализм — это наше настоящее. Американцы столкнулись с тем, что доктрина, согласно которой все нации в Новом Свете должны перемешаться, как в салатной миске, образовав новую нацию, не сработала. Теперь же все их иммиграционные программы говорят об одном: не можешь усвоить нашу культуру — уезжай. У Америки сразу появились противники, прежде всего — Латинская Америка. Так возникает интеркультурная философия образования. Именно её я сейчас и проповедую.

Этой тематикой занимаются многие интересные исследователи. Например, Фернет Бетанкур, заместитель директора института в Аахене, и другие. Они говорят о том, что, если мы сейчас усвоим нормы американского образования, мы потеряем своё. Ведь за образованием стоит культура. Так что даже американский сленг в других регионах неуместен: ферма — это не асьенда, это совершенно разные вещи. Человек, получивший университетское образование на английском языке, приезжает к себе на родину и оказывается... американцем или англичанином, иностранцем в своей стране. У нас была та же ситуация с развивающимися странами, чиновничество которых заканчивало русские университеты. Возвращаясь на родину, они становились проводниками русской культуры. Это очень важно: осмыслить свою собственную культуру и найти в ней то, что нужно пропагандировать, сохранять и развивать, не отталкивая того, что приходит с Запада.

Особую роль играет в этом процессе критическая педагогика места: она вносит свой вклад в производство образовательных дискурсов и методов, которые исследуют определенные для места связи между окружающей средой, культурой и образованием. Это — топологическая педагогика связана с культурной и экологической политикой, педагогика, которая утверждает этическое эко-правосудие и другие социо-экологические традиции, которые исследуют пересечения между культурами и экосистемами, феминистские устремления. Критическая педагогика возникла в рамках американского деконструктивизма и отразила увеличивающуюся степень плюральности, мультикультурализма, взаимозависимости, гибридности и сложности в мире.

То есть, Вы разделяете идеалы мультикультурализма...

Это не мультикультурализм, это нечто другое. Скорее, кросс-культурализм. Мультикультурализм — это, попросту говоря, суждение о том, что все мы разные, но каждую культуру нужно оставить, какова она есть. И действительно, культуры должны выживать. Когда мы кричим на студентов: «Ну-ка, всем сидеть тихо!», всё равно найдётся один, который тихо сидеть не будет.

Его мы и выгоняем. И тогда остальные будут сидеть тихо.

Но заставить всех ходить единым строем невозможно! То же самое с культурами. Возьмём, к примеру, Дагестан: здесь перемешаны 36 языков, в каждой деревне говорят

по-своему. И тем не менее, люди между собой общаются, и культура у них общая. Та же ситуация в Африке: что ни деревня — свой язык и своя культура, в том числе философская. И никто не желает, чтобы всех объединили в одну африканскую культуру. Никакой «африканской культуры» просто нет. Как нет и африканской философии вообще. Всё то же самое можно сказать о Латинской Америке.

Я вновь возвращаюсь к книге Умберто Эко, который говорит, что с этим идеалом мультикультурализма мы скоро дойдём до того, что скоро в одной аудитории будут ссылаться на исламские ценности, в другой — на иудейские, в третьей — на буддийские и т.п. Мы же всех хотим уважить и всем угодить!

Но есть и другая сторона — терпимость. Нужно искать такой язык, который не обижает других. Буддисты, например, люди по большей части смиренные.

Хотя СМИ пытаются внедрить образ буддийского монаха с ножом.

С ножами можно представить скорее сикхов. Но это не правило; экстремистов можно найти в любой религии. Разве в христианстве их нет? Начиная лекцию перед аудиторией, состоящей из людей, принадлежащих к разным религиозным конфессиям, я всегда говорю, что буду рассуждать, как рационалист. Не как атеист, а именно как рационалист: я рационально отношусь к любой религии. Она выполняет свои собственные функции, она кому-то нужна, но вера в каждой религии — это акт личного выбора, высочайшего выбора. Это не хождение строем.

Когда я ездил десятилетие назад по деревням в Калмыкии, я говорил: странно, что калмыки забыли буддизм, ведь это то, что их сохраняло. Сегодня они оказались без религии и без идеологии. Буддизм возрождается, но с большим трудом. Один из студентов техникума сказал: «А мне очень понравилась Библия. Я прочитал и понял, что это то, что мне нужно». Но кто же против? Другой может взять Книгу Мормона или ещё что-нибудь. Дело-то ведь в том, чтобы они не перегрызли друг другу горло. Мультикультурализм — это уважение к чужой культуре. Если вам нравится ходить в бурнусе — на здоровье. Дело в том, чтобы вы понимали, что вам говорят. Философия Хайдеггера — это философия Хайдеггера, независимо от того, слушает ли её изложение человек в бурнусе или в чалме.

Но возможно ли это? Ведь университет, каким он изначально возник в Европе, был орудием универсализации мира, а впоследствии орудием экспансии европейской культуры.

Да, это было. Это особенно заметно в Индии или в Африке, где всё преподавание велось на английском или на французском языках. От этого, кстати, все только выиграли. Не будь такого образования, не было бы вообще никакого. Так что говорить о том, что лучше, а что хуже, я бы пока не стал.

Кроме того, университет — это универсальное учебное заведение со многими специальностями. Классические университеты включали и юриспруденцию, и педагогику, и медицину, и т.п. Университет универсален именно в этом отношении, а не потому, что предполагает универсализацию. Первые университеты предполагали прежде всего филологические, юридические и медицинские факультеты.

Кроме того, теологические...

Да, конечно. Их целью было создание определённого слоя людей, которые могли продвигать знания, учить других. Так, для (кантианского) Университета Разума основной дисциплиной является философия; понять суть этого университета помогает его статья «Что такое Просвещение?» (1784), в которой он характеризует его как безграничную веру в человеческий разум. Гумбольдтианский Университет Культуры заменял философию литературой, таким образом связывая более близко развитие современного университета и повышение роли этнического государства. При нынешней абсолютизации его идеи, стоит все же помнить, что он выражал прусско-протестантскую критику более или менее ортодоксального стиля обучения и изучения во время Просвещения. Культурное возобновление университета и предусматривало академическую свободу. Это и стало моделью для девятнадцатого и двадцатого столетий. Можно вспомнить, что и Шеллинг в «Лекциях о методе университетского образования» (1803) создает свою систему университетского образования — как школы научной работы, в которой должны получать более глубокие решение все задачи человеческого познания. Согласно Шеллингу, индивид должен научиться рассматривать сущность своей будущей практической деятельности с научной точки зрения и понимать эту свою деятельность в тесной связи со всей остальной культурной жизнью. Напомню, что граф Д.А. Толстой (1832–1889), бывший министром народного просвещения, считал, что «научное образование не заключается в приобретении необходимых сведений: оно имеет целью развитие всего человека».

Глобализация и снижение роли этнического государства создают условия, где превосходство может функционировать идеально для экономики знания. Гомогенизированные системы переносимости и соизмеримости позволяют функционировать свободному потоку культурного капитала. Современный университет — во власти акцентов на навыках и на системах управления, и в начинающейся замене знания информацией (все ускоренное компьютеризацией) — в ущерб и культуре, и разуму, и науке, чтобы удовлетворять запросам рынка. Действительно, возникает вопрос: университет — монастырь науки или базарная площадь? Ответ прост — высшее образование — просто часть рыночной экономики, обменная ценность в предметах потребления.

И тем не менее, давайте вспомним, для чего Фридрих Барбаросса создал Болонский университет: ему были нужны юристы, которые легитимировали бы его власть, не ссылаясь на папу. То есть, для утверждения имперской власти.

Так ведь и у нас образовательная система насаждала мысль о том, что Ленин — это добрый дедушка, без которого мир провалится в тартарары. Идеологизация есть и сейчас. Надо воспитывать подрастающее поколение, а не идеологизировать образовательный процесс.

Так вот, способен ли в свете такой генеалогии университет стать толерантным ко всем?

Мне кажется, да. По крайней мере, мы должны к этому стремиться. Беда всех ВУЗов, в том числе университетов, в том, что, во-первых, не все пришедшие учиться доучиваются до конца, во-вторых, не все становятся учёными или преподавателями, а в-третьих, не все из них действительно пришли учиться. В итоге лишь четверть из них — те, кто нам нужны.

Так, может быть, нам стоило бы три четверти выбросить, а одну оставить? Оставить только способных — тех, с кем мы можем говорить, не снисходя до их уровня.

Да ведь талант как раз и рождается в этой среде! Нигде в другом месте вы его не найдёте.

Давайте коснёмся темы, которая вызывает сегодня такие бурные дебаты — проникновения религиозного образования в светские учебные заведения.

Здесь надо отделить зёрна от плевел. Многие говорят, что религиозное образование необходимо, и начинаться оно должно со школы. Извините, но у нас светское государство. Но ведь никто не запрещает создавать воскресные школы или какие-то дополнительные образовательные услуги, благодаря которым люди могут получить информацию по религиозным вопросам. В нашей стране живут люди разных религиозных исповеданий. Перед нами дилемма: или с молодёжью будут работать тоталитарные секты, или мы признаем, что люди разные, и говорить с ними нужно по-разному. Никто не заставляет вас идти в церковь, но, если вы не будете хоть как-то поддерживать титульную религию, придут другие. Ведь это то, что скрепляет людей. Титульная религия не означает подавления. К примеру, в Бурятии существует троеверие: буряты — одновременно шаманисты, буддисты и христиане.

Да ведь это у себя дома, а не в университете.

В университете всё то же самое. Конечно, студент-буддист не будет демонстрировать вам своё исповедание, но в праздник он пойдёт в дацан. Необходимо оставить за человеком свободу выбора.

Да, но давайте представим себе, что Вы читаете курс по философии XIX века и рассказываете о Ницше с его «проклятиями христианству». При этом все православные разом отфильтровывают Вашу речь: этот философ не для нас.

А вы должны представить его в другом контексте, ведь Ницше критикует христианство, чтобы его улучшить. Он не антихристианин.

Но восприниматься-то он будет именно так!

Нет, это мы сделаем его таким!

Студенты, о которых я говорю, просто не дослушают до того момента, когда Вы начнёте цитировать Ясперса и показывать, что Ницше был богоискателем.

С этого надо начинать. Это и есть поддерживающая педагогика. Нельзя сначала оскорблять, а потом уже объяснять.

У меня всё-таки остаётся сомнение на этот счёт. У всякого института есть своя генеалогия. Из чего он вышел, к тому он неизменно будет возвращаться. Мишель Фуко прекрасно показал, что психиатрия, к примеру, может стать частью государственного здравоохранения, но, поскольку она вышла из ночлежки для бездомных, по сути своей она так и останется репрессивным институтом для изоляции праздничноша-тающихся. А поскольку университет родился из необходимости поддержки имперской

власти, из необходимости универсального распространения европейской культуры, боюсь, к этому он всегда и будет возвращаться.

Сама идея Европы сейчас меняется. Она другая. Сейчас предлагается новая идея университета, которая должна быть выполнима как проект — и практический, и коммуникативный, и интеллектуальный.

Но университет-то прежний!

И университет меняется. Мир, знания и университеты слишком сложны, чтобы учесть все многообразие. Это — мир, в котором нет никаких устойчивых структур. Это — мир, в котором университет должен непрерывно переделывать себя. Например, в Германии философские факультеты редкость. Коллега из Германии спросила меня: «Сколько преподавателей у вас на философском факультете?». «Больше двухсот», — отвечаю я. «А сколько студентов?» — «Семьсот». Она была поражена: И что же вы там делаете?». В Германии четыре человека читают лекции двадцати тысячам студентов. Студенту сообщают сведения, которые ему необходимо знать, а в остальном его не контролируют. Мы же стараемся дать всё. Но нужно ли это? Вспомним о том, сколько инженеров у нас стали певцами или композиторами, сколько врачей стали поэтами. Естественники становятся гуманитариями, а бывает и так, что гуманитарии становятся естественниками. И незачем их пичкать тем, что им не нужно.

Обучить человека всему невозможно, он должен самообучаться. В философии это особенно важно: если нет самообразования, нет и философа. Диссертация — это всего лишь квалификационная работа, свидетельствующая о том, что человек стал специалистом в какой-то узкой области. Впоследствии он должен осваивать новое и подтверждать свою способность заниматься наукой и преподавать.

С этим я совершенно согласен. Но зачем тогда нужна наша система?

Так ведь самообразование без образования невозможно! Нужна база.

Мне вспоминается замечание Салтыкова-Щедрина о том, что Франция подарила миру две вещи: канкан и широту взглядов. Канкан мы приняли с восторгом, а широта взглядов не прижилась. Мне кажется, та же ситуация у нас и в образовании.

А по-моему, у нас всё наоборот: от широты взглядов мы теперь должны перейти к узости. Нельзя готовить специалистов вообще. Нам ведь нужно готовить не преподавателей философии вообще, а, к примеру, специалистов по современной зарубежной философии, знающих по крайней мере два языка и т.п.

Конечно, это широта беспочвенная: воспарять человек умеет, а делом заниматься не может.

Одно дело широта мировоззрения, а другое — широта профессиональная. Широким специалистом быть нельзя.

Именно так. Канкан у нас уже пляшут, а что происходит на соседней кафедре — не понимают.

Но всё не может поменяться в одночасье. За два неполных десятилетия мы ушли от одной системы, а потом стали двигаться к новой, выстроенной на старой основе.

Кроме того, как мне кажется, у нас есть ещё одна беда: беда профессиональных сообществ, которые не желают знать друг друга.

Это старая беда. Мы пытаемся её преодолеть, но пока без особых успехов. Хуже другое: у нас нет корпоративности, мы не стремимся помогать друг другу. Педагогика может решить многие из этих проблем, хотя и не все.

Давайте затронем как частный случай междисциплинарности взаимодействие, (а вернее, его отсутствие) философов с психологами и психоаналитиками. Они взаимодействуют так же, как философы и естественники.

Психоаналитик — это всегда философствующий психолог. Если у него этого нет, он не будет психоаналитиком. Чисто биологизаторский подход уже ушёл. Мой однокашник Валерий Моисеевич Лейбин — философ по образованию, ставший лечащим врачом и директором Института Психоанализа. И всё это благодаря философскому образованию.